

Научная статья / Research Article

УДК 903.24 (571.151)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-02)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ЭЛЕМЕНТАМ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА НАРОДОВ ВОСТОЧНОГО ГИНДУКУША

Яценко Сергей Александрович^{1*}, Каверин Святослав Игоревич²

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
sergey_yatsenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5103-9736>

²Центр палеоэтнологических исследований, Москва, Россия;
swat.slav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1086-0488>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Анализируются 22 детали костюма кафиров и частично калашей Гиндукуша, которые имеют близкие аналогии у родственных древних ираноязычных народов доисламского времени. Больше всего таких аналогий имеется у индо-скифов и кушан, создавших в I в. до н.э. — I в. н.э. крупные державы поблизости. Эти народы повлияли на костюм местных индо-иранцев и, возможно, участвовали в их этнической истории. Влияние древних иранских народов, проживавших ближе к Гиндукушу, проявилось в крупных аксессуарах костюма, а также в головных уборах и прическе. Легко объяснить также нахождение сходных элементов в «мировой империи» Ахеменидов и у такого активного в раннем Средневековье народа, как согдийцы. Однако многие детали костюма отчасти изолированных обществ высокогорья с их простой сельской жизнью не нашли аналогий в парадном искусстве для элиты различных иранских народов. Важным представляется сотрудничество культурного антрополога и археолога для решения этой задачи. Предлагаются новые методики такого совместного исследования.

Ключевые слова: Гиндукуш, костюм, кафиры и калаша, аналогии в костюме, древние ираноязычные народы, влияние индо-скифов и кушан

Для цитирования: Яценко С. А., Каверин С. И. Археологические параллели элементам традиционного костюма народов Восточного Гиндукуша // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 25–47. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-02)

ARCHAEOLOGICAL ANALOGIES TO THE TRADITIONAL COSTUME ELEMENTS IN THE EASTERN HINDUKUSH AREA

Sergey A. Yatsenko^{1*}, Sviatoslav I. Kaverin²

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
sergey_yatsenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5103-9736>

²Paleoethnology Research Center, Moscow, Russia;
swat.slav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1086-0488>

*Corresponding Author

Abstract. The article analyzes 22 details of the costume of Kafirs and partially the Kalasha of Hindukush which have close analogies among related ancient Iranian-speaking peoples of Pre-Islamic time. The Indo-Scythians and Kushans, who created large powers nearby in the 1st c. BC — 1st c. AD,

have the most of such analogies. These peoples had an impact on the clothing of the local Indo-Iranians and, probably, participated in their ethnic history. The influence of the ancient Iranian peoples, who lived closer to the Hindukush, manifested itself in large costume accessories, as well as in headdresses and hairstyles. It is also easy to explain the presence of similar elements in the “world empire” of the Achaemenids and among such an active people in the early Middle Ages as the Sogdians. However, many details of the costume of the somewhat isolated societies of the highlands with their simple rural life did not find analogies in the ceremonial art for the elite of various Iranian peoples. Collaboration between a cultural anthropologist and an archaeologist seems to be important to solve this problem. New methods of such joint research are proposed.

Key words: Hindukush, costume, Kafirs and Kalasha, costume analogies, ancient Iranian-speaking peoples, influence of Indo-Scythians and Kushans

For citation: Yatsenko S. A., Kaverin S. I. Archaeological Analogies to the Traditional Costume Elements in the Eastern Hindukush Area. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022;34(4):25–47. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-02)

Введение
Горные районы на стыке современных Афганистана, Пакистана и Индии состоят из шести горных систем высотой до 5–7 тыс. м, именуемых обобщенно Гиндукушем (с включением трех хребтов собственно Гиндукуша). Основное внимание ученых — этнологов и религиоведов в этом очень пестром этнически регионе издавна привлекали именно те сравнительно малочисленные народы, которые до самого конца XIX в. (несколько групп «афганских» кафиров) или до сегодняшнего дня (калаши Читрала) сохраняли свои политеистические верования и оригинальные бытовые традиции в окружении мусульманских обществ. Этот интерес не удивителен: последние пять веков «заповедник арийского язычества» постоянно сокращался в плане территории и населения⁴. В языковом отношении в Нуристане (Восточный Афганистан) существует группа индоиранских нуристанских языков (ранее — «кафирских»), а южнее и восточнее располагаются многочисленные группы индоарийских дардских этносов (калашей относят к их читральской или центральной группе).

Соответственно костюм народов Гиндукуша изучен весьма неравномерно. Прежде всего, более детально он исследован у бывших «афганских» кафиров — нынешних нуристанцев (Robertson, 1896, p. 505–529; Castenfeldt, Søholt, 1985, p. 44–69) и калашей на юге Читрала (Sperber, 1990; Maggi, 2004, p. 94–102). Особая область изучения — детали на доисламских деревянных мемориальных статуях обеих групп, которые были основной категорией антропоморфных изображений, к тому же весьма обильно украшенных резьбой (Edelberg, 1960; Klimburg, 2008)⁵.

Однако, как ни странно на первый взгляд, этот труднодоступный высокогорный регион имел весьма сложную и динамичную этническую, культурную и военно-полити-

⁴ Если 500 лет назад «зона язычества» на Гиндукуше простиралась с запада на восток до 800 км, то к концу XIX в. она сократилась примерно до 170 км на западном ее краю.

⁵ Такие крупные статуи у северных кафиров (mute) и калашей (gandau) ставились группами в различных местах у селения: у входа в него, у входа на кладбище, вдоль дорог, у переправ, на прилежащих обрабатываемых полях (Йеттмар, 1986, с. 139, 397, 399). Что касается малых фигурок у калашей (gundurik), то их размещали у гроба.

ческую историю и до сих пор имеет большое стратегическое значение. Начиная с первой в истории человечества «мировой империи» персидских Ахеменидов и затем — Кушанской империи и Арабского халифата на него распространялось влияние различных великих держав. Перемещались активно исламизированные ираноязычные соседи, переселялись под их давлением и смешивались и сами кафиры и центральные дарды. Отдельные группы последних при этом оказались изолированными и жившими вперемешку с чужаками. Сложности с корректным изучением костюма на этом не заканчиваются. У своих более южных (и порой близких в языковом отношении) соседей в низовьях Кунара, Читрала и Свата кафиры/нуристанцы, а также дарды — кхо и калашаи покупали и заказывали и некоторые виды одежды (халаты) и ювелирные украшения (вроде гривен и пекторалей) (см., например, Яценко, 2019, с. 47–48, рис. 18–19). В регионе по разным причинам возникали и всплески «моды» на какой-либо элемент костюма (см. историю популярности мужской шапки «паколь» и ее модификации: Vogelsang, 2006; Каверин, 2021). Столь ценимый туристами и поклонниками «этномоды» яркий женский «традиционный» костюмный комплекс калашей сформировался, как ни странно, недавно — в конце 1970-х гг. — и во многом является инновацией. При этом калашаи в более ранний период испытали немалое влияние культуры своих более многочисленных западных соседей — кафиров (носители нуристанских языков, далее без уточнения).

Все это делает изучение *истории костюма* предков нуристанцев и калашей-дардов очень непростой задачей. Фактически она находится на стадии становления и пока нередко являет собой отдельные, трудно проверяемые предположения.

Методы и материалы

При длительной работе над этим материалом мы исходили из того, что одним из выходов из такого тупика является междисциплинарный подход. Действительно, наш текст является примером тесного сотрудничества двух специалистов, занимающихся весьма разными темами: культурного антрополога, изучающего недавнюю и нынешнюю культуру народов Гиндукуша, и археолога, исследующего также древний костюм окружавших Гиндукуш иранских и отчасти тюркских народов.

Наша *рабочая гипотеза* состояла в следующем. Стоит попытаться найти в костюме нуристанцев и отчасти калашей (желательно более раннем, чем середина XX в.) близкие аналоги древним предметам одежды, особым аксессуарам и декоративным деталям костюма, которые использовались в доисламское время (до VIII–IX вв.) основными, крупными и хорошо изученными в этом плане родственными ираноязычными народами (Яценко, 2006). Это вполне корректно, поскольку основной «культурной инициативой» среди гиндукушских язычников еще в XIX в. владели именно более многочисленные и воинственные индоиранские кафиры, заметно влиявшие на дардоязычных калашей. Понятно, что при таком подходе основные аналогии древним и ранне-средневековым иранцам будут найдены именно у кафиров. Помимо генетической близости, их предки проживали ближе к первым и более тесно общались. Отчасти они сохранили, видимо, те общеиранские черты костюма, которые ретроспективно воссоздаются по обильным материалам последующей ахеменидо-скифской эпохи; се-

годня их известно не менее двенадцати (Яценко, 2006, с. 110–111; Yatsenko, 2009, fig. 1)⁶. Картина таких костюмных аналогий неизбежно будет несколько фрагментарной и мозаичной: ведь даже сравнительно неплохо изученные этнические костюмные комплексы оседлых и кочевых иранцев прошлого (кушан, индо-скифов, тохаристанцев, согдийцев, хорезмийцев, персов трех династий, скифов, сарматов) все же имеют на сегодня немалые лакуны в сериях реалистических изображений и одеяний хорошей сохранности. Само по себе наличие серии близких аналогий у двух названных этнокультурных массивов, отличающихся по времени, может толковаться двояко. Либо это заимствования из соседнего древнего иранского мира, либо же сравнительно мало изменившиеся в природном изоляте Гиндукуша еще единое наследие индоиранской общности бронзового века (последнее пока кажется менее значимым). Итак, мы попробуем изучить диахронные явления в костюме иранцев и индоиранцев, разделенные отрезком времени не менее 1300 лет, и сделаем это, прибегая к индукции (т.е. двигаясь от большого числа частных наблюдений к обобщениям).

Если источники по костюму древних иранских этносов давно в целом систематизированы и опубликованы С.А. Яценко, то этого никак не скажешь о старом костюме кафиров и калашей. Объем текстов, специально посвященных их костюму, все еще относительно невелик. Основная масса интересующего нас костюмного материала находится либо в таблицах-приложениях к различным обобщающим монографиям по культуре Гиндукуша без особых комментариев, либо (куда чаще) хранится в виде большой серии фото, реже — рисунков, а также реальных предметов одежды, обычно оцифрованных и размещенных на сайтах различных музеев, вузов, библиотек и фондов. Большая часть последних, хотя и имеется в открытом доступе, фактически не являлась пока объектом научного изучения. Немаловажны и результаты личной переписки и распросов жителей Гиндукуша или недавних мигрантов оттуда, знакомство с музейными коллекциями Кабула и ряда городов Европы, чем активно занимался С. И. Каверин.

Первым этапом нашей работы был сбор максимально большого количества визуальных материалов по старому костюму Гиндукуша (прежде всего речь идет о кафирах). Затем отбирался изобразительный материал разного художественного и технического уровня, который близко соответствовал костюмным элементам иранцев древности. В дальнейшем из него выбирались наиболее выразительные фото и рисунки, где заинтересовавшие нас элементы показаны более четко и в выигрышных ракурсах. Далее, для нас было важно распределение древних аналогий в пространстве и во времени, среди давно оседлых или ранее кочевых народов и т.п. Преобладание аналогий у определенных этносов должно получить объяснение.

В этой работе имелось еще одно затруднение. Дело в том, что старый «этнографический» костюм двух изучаемых групп и археологические параллели ему представле-

⁶ Это длинный халат "kandys" с очень длинными рукавами, носившийся внакидку (у некоторых народов — и мужчинами и женщинами); короткий кафтан типа древнеперсидского *gaunaka* и скифского *sisirna*; пелерина с богатым декором; женская юбка из разноцветных горизонтальных полос; мужские штаны с лампасами; высокий конический головной убор; наборные пояса, украшенные рядами бляшек или иным металлическим декором; золотые гривны; золотые узкие пекторали; мужские длинные чулки-ноговицы, обычно крепившиеся к поясу; полусапожки; туфли. На деле же этот список наверняка был исходно гораздо шире.

ны визуально, так сказать, в неравном положении и с различающейся степенью полноты. «Археологический» костюм, как правило, известен по изображениям, которые редко сохранились цветными (исчезновение красок на поверхности или их изначальное отсутствие). Они также, как правило, плоскостные и представлены в неких канонических для каждой традиции позах (обычно в профиль или анфас, нередко в виде головы), часто фрагментированы или деформированы; подчас нелегко уточнить их датировку (если они найдены вне археологического контекста). Кроме того, нередко многие ценные детали костюма на изображениях в той или иной мере стилизованы или немного схематичны. В соответствии с установками веризма на них всячески подчеркивались наиболее важные статусные элементы, а остальные нередко переданы обобщенно.

Будучи сильно ограниченными в возможности иллюстрировать здесь наш материал, мы дадим лишь несколько наиболее показательных «этнографических» изображений по Гиндукушу, а древние иранские образцы отразим только в сносках на легко доступные коллегам публикации. Мы также ограничимся здесь краткой характеристикой лишь 22 элементов костюма, которые имеют явные аналоги у древних соседей населения Пригиндукушья. В действительности таких элементов можно назвать больше.

Обратимся теперь к конкретным гиндукушским аналогам более древних элементов костюма доисламского иранского (и отчасти — иранизированного в пограничье) мира.

1. Распашная длинная верхняя одежда с очень длинными рукавами, носившаяся внакидку, типа древнеперсидского “kandys” (рис. 1.-1). Эти халаты у кафиров носились только мужчинами (в т.ч. переселенцами, оказавшимися в долине Читрала). Верхняя одежда именно такого облика была привлекательна для последних язычников Гиндукуша и соответствовала их предпочтениям. Эти шерстяные халаты немарких цветов практически не имели декора, нередко лишены воротника. Один из наиболее эффектных снимков — с 12 лучниками, где двое — в подобных одеждах, был сделан в 1919 г. в Читрале у восточных катэ подполковником Дэвисом⁷. Другой хороший пример — фото мужчины из той же группы, сделанное экспедицией сэра А. Стейна в 1906 г. (Stein, 1921, p. 26f, pl. 10). См. также (Lockhart, Woodthorpe, 1889, p. 319f, pl. 89). Для искусства иранского мира мы, конечно, имеем изображения богов и аристократии в парадных кандисах, обычно с богатым декором⁸. При этом у скифов, «пазырыкцев» Алтая, кушан и в сасанидском Иране кандис изображался у обоих полов, у персов времен Ахеменидов бытовал только у мужчин, а у согдийцев (предков равнинных таджиков) бытовал с I в. н.э. до арабского завоевания только у женщин. Иными словами, кандис документируется (не слишком часто) именно у тех древних иранских этносов, для которых мы имеем особенно много детализированных изображений. У равнинных таджиков у такого женского халата (паранджа) скрепляли края рукавов за спиной; борта могли украшать серебряными бляшками; обычай накидывать такой халат на голову при выходе женщины на улицу распространился только в XIX в. Однако халат типа кандиса бытовал и у горных таджичек (Сухарева, 1979, с. 92–96, рис. 3.-8; Сухарева, 1982, с. 46; ср. Майтдинова, 2004, рис. 8; рис. 64). В целом можно предполагать, что обычай ношения кан-

⁷ G. J. Davis, 1919. National Army Museum. <https://collection.nam.ac.uk/detail.php?acc=1987-05-11-67>.

⁸ (Яценко, 2006, рис. 1.-21–25; рис. 7; рис. 27.-43; рис. 36.-10–11; рис. 41; рис. 47; рис. 49.-1–2; рис. 121.-44–46; рис. 122.-3; рис. 153.-26; рис. 157.-24а; рис. 159.-32а; рис. 162.-2; рис. 188).

дуса у предков кафиров, с одной стороны, был элементом древней индоиранской традиции (см. выше), а с другой — подкреплялся длительным влиянием великих иранских империй Ахеменидов и затем Кушан и ранних Сасанидов, которые включали области Гиндукуша. Не исключено и влияние моды соседей — кхо, мунджанцев и панджшерцев.

2. Короткий мужской запахивавшийся кафтан с рукавами разной длины (от локтя до запястья), нередко расширяющимся книзу. Он изготовлялся как из козьих шкур (Afghanistan and its late Amir..., 1902, p. 13; Castenfeldt, Søholt, 1985, p. 14–15, fig. 6–7), так и из грубой шерстяной (Castenfeldt, Søholt, 1985, p. 11, fig. 3; p. 44–47, fig. 36–39) и бумажной ткани (рис. 1.-2). Такой кафтан бытовал только у тех развитых в социально-политическом отношении групп древних иранцев, которые проживали к северу (северо-западу или северо-востоку) от Гиндукуша — у кушан (мужчины), индо-скифов и хотано-саков (женщины) (Яценко, 2006, рис. 121.-48, рис. 138.-27, рис. 154.-8). Его можно предположительно считать результатом влияния в прошлом северных соседей.

3. Мужские короткие кафтаны-безрукавки из козьих шкур (Castenfeldt, Søholt, 1985, p. 16, fig. 8). Такие куртки использовались вне дома в холодную погоду и не были парадными. Видимо, именно поэтому в искусстве древних иранцев их изображений мы практически не найдем, за одним исключением из ахеменидского Ирана (Bittner, 1985, taf. 29.-1; Яценко, 2006, рис. 1.-27). На границе с кафирами их носили иногда и южные соседи — пашаи (рис. 1.-3)⁹. Подобная одежда была также типичной для мальчиков (Castenfeldt, Søholt, 1985, p. 28, fig. 21). Вязаные безрукавки (жилеты) из шерстяной пряжи (Castenfeldt, Søholt, 1985, p. 17, fig. 9) стали частью их костюма, видимо, уже в XX в.

4. Запахивание мужских и женских кафтанов налево. Древнее запахивание кафтанов и индоиранцев и иранцев на левую сторону после китайского танского влияния на согдийские и тохаристанские диаспоры в городах Поднебесной империи, постепенного перенимания китайского правого запаха тюрками первых Каганатов¹⁰ быстро перестало использоваться в Центральной Азии. У кафиров и калашей на рубеже XIX–XX вв. левосторонний запах был уже редким пережитком. Однако мы встречаем его у лиц обоих полов в материалах экспедиции, которую в 1929 г. возглавлял индийский антрополог С. Б. Гуха. См. яркий пример для восточных катэ: у супруги жреца (Jones, 1983, pl. XX) и у мужчин¹¹, а также у калашей Нуристана (южных кафиров) — вайгальцев (Jones, 1983, p. 16, fig. 8), вамаи (Jones, 1983, p. 11, fig. 3), ашкун. У жителей центральной долины Парун — васи встречается и левый (Jones, 1983, p. 74) и правый запах (Jones, 1983, p. 24, fig. 17; p. 46, fig. 38).

⁹ Illustrated London News. 16.08.1879. P. 12. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0001578/18790816/047/0012> (дата обращения: 20.09.2022).

¹⁰ Китайцы, как известно, с древности считали запахивание халатов налево противоестественным, свойственным «невежественным» иноземцам, и допускали его только для умерших (си), у которых «все должно быть наоборот». Китаизация костюма «западных варваров», собственно, начиналась именно с этого. См. о последнем на примере китайских согдийцев (Абдухоликов и др., 2021, с. 420).

¹¹ Guha B. S. Groupe d'hommes Kafir // Musée du quai Branly — Jacques Chirac : [сайт]. URL: <https://www.quaibrany.fr/en/explore-collections/base/Work/action/show/notice/924918-groupe-dhommes-kafir> (дата обращения: 24.09.2022).

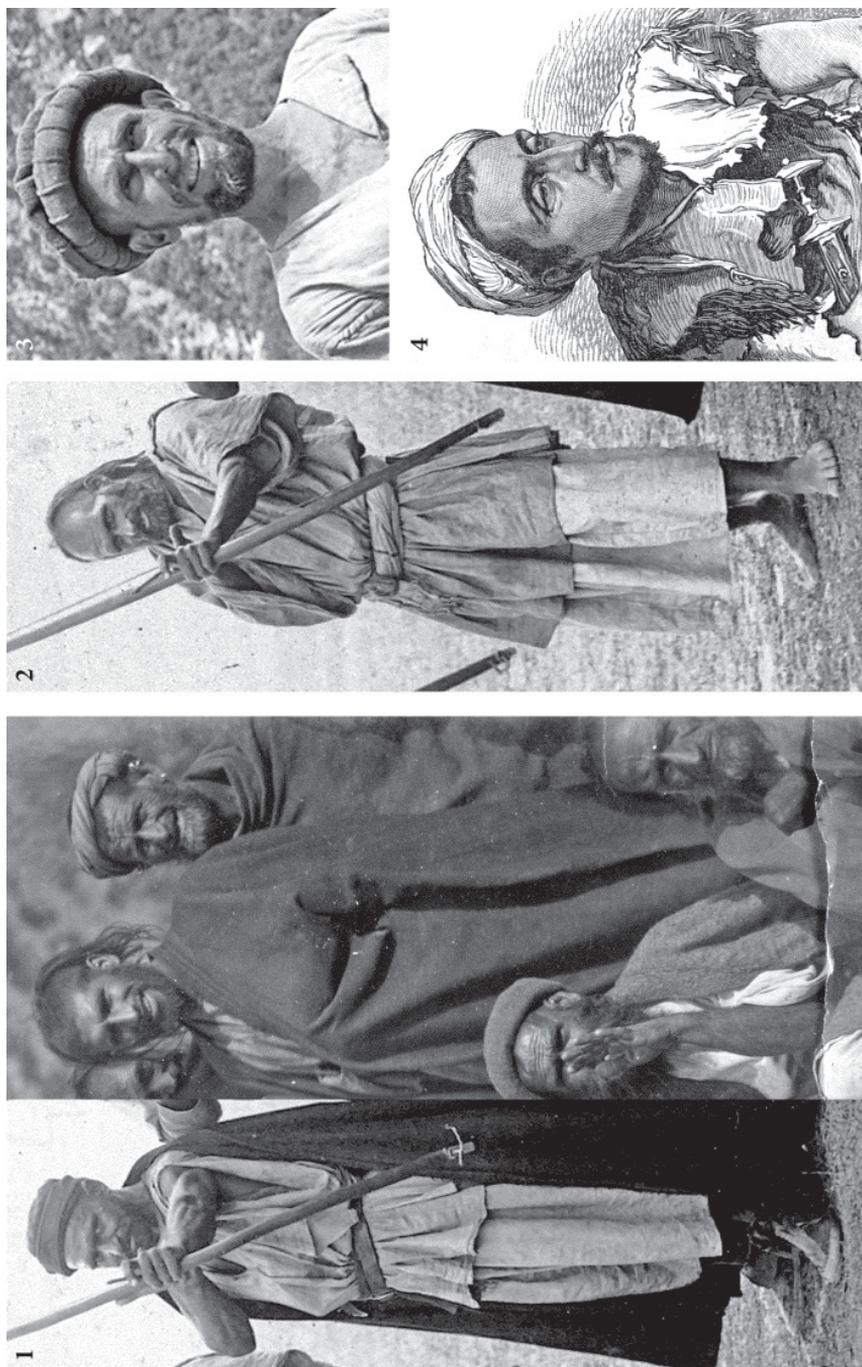

Рис. 1. Распашная одежда и рубахи: 1 — Davis G.J. photo, 1919; Lockhart, Woodthorpe, 1889; 2 — Davis G.J., 1919; Illustrated London News, 1879; 4 — Thesiger W., 1965

Fig. 1. Double-leaved coats and shirts: 1 — Davis G.J., 1919; Lockhart, Woodthorpe, 1889; 2 — Davis G.J. photo, 1919; Illustrated London News, 1879; 4 — Thesiger W., 1965

5. Мужская рубаша с воротом с разрезом слева (косоворотка). Встречалась редко, явно как пережиточный элемент, например в Бумборете, у восточных катэ¹². В древних иранских обществах этот не слишком статусно значимый элемент выделялся на изображениях очень редко. Тем не менее мы видим его у индо-скифов в Буткаре (Яценко, 2006, рис. 137.-34). Такой фасон рубахи широко распространен в Афганистане и сегодня.

6. Мужская рубаша с вырезом ворота и имитацией левого лацкана распашной одежды. Мы видим ее на одном из нуристанских фото 1957 г. известного путешественника Уилфреда Тесиджера (рис. 1.-4)¹³, долина Вайгал. Нечто подобное находим только в предарабском Согде (Пенджикент) (Древности Таджикистана..., 1985, №568; Яценко, 2006, рис. 181.-44).

7. «Запазушный» карман в верхней левой части женского платья. Мы видим его на фото у некоторых замужних женщин. Этот прямоугольный карман делался из ткани иного цвета, чем платье. Серия таких платьев документирована у женщин во время подготовки к местному празднику на одном из полевых фото Скайлера Джонса (Edelberg, Jones, 1979, fig. 116). Цветное изображение такого кармана на платье женщины из с. Нишеиграм (долина Вайгал) имеется на неопубликованном фото М. Климбурга 1976 г. (любезно предоставленном нам в 2020 г.) (рис. 2.-1): карман сделан из полосатой, преимущественно красной ткани. Единственная серия мужских парадных рубах с небольшим запазушным карманом документирована для индо-скифов — саков из Средней Азии, вторгшихся в Северную Индию и соседствовавших с Гиндукушем. Она известна на нескольких рельефах в Шахри-Бахлоле (Rosenfield, 1967, pls. 67–68; Яценко, 2006, рис. 137.-35–36, рис. 143). Женский крупный запазушный карман бытовал в VIII–IX вв. в некрополях средневековых аланов на Северном Кавказе (Доде, 2001, с. 18; илл. 5, илл. 14).

8. Нижний край наплечной одежды (изредка — коротких штанов) с серией однотипных треугольных выступов. Их число у древних иранцев на изображениях по периметру всегда кратно трем (3, 6, 12). Исходные три выступа — это, видимо, имитация древнего края наплечной одежды из двух шкур копытного (с края подола в таком случае свисали выступы от бывших хвоста и лапок) (Яценко, 2006, с. 117). Мы видим здесь на фото у одного из руководителей кафирской делегации на встрече с англичанами в Читрале в 1895 г. халат из «туземной» ткани с очень крупными сюжетными изображениями, подол которого украшают, видимо, в общей сложности, 12 небольших треугольных вырезов (Jones, 1973, p. 234). Особенно ценны два акварельных рисунка групп кафириков обоих полов около 1835–1840 гг. от художника из Лахора по имени Имам Бахш, которые иллюстрируют записки французского генерала Огюста Кура на службе у правителя сикхов Ранджита Сингха: это наиболее ранние и детализированные изображения кафириков Гиндукуша. Подол рубахи женщины на экземпляре с четырьмя

¹² Guha B.S. Homme Kafir rouge // Musée du quai Branly — Jacques Chirac. URL: <https://www.quaibrnaly.fr/en/explore-collections/base/Work/action/show/notice/925063-homme-kafir-rouge> (дата обращения: 25.09.2022).

¹³ Wilfred Thesiger, 1965. Pitt Rivers Museum. — http://photographs.prm.ox.ac.uk/pages/2004_130_5231_1.html.

Рис. 2. Детали одежды: 1 – Klimburg M. photo, 1976; 2 – Musée Guimet, ca 1840; 3 – Thesiger W. photo, 1965

Fig. 2. Clothes' details: 1 – Klimburg M. photo, 1976; 2 – Musée Guimet, ca 1840; 3 – Thesiger W. photo, 1965

персонажами в парижском Музее Гиме¹⁴ и край коротких штанов мужчины экземпляра с двумя людьми в Национальной библиотеке Франции¹⁵ украшает ряд подобных выступов, но с притупленным концом (рис. 2.-2). У женщины их общее число, видимо, кратно девяти¹⁶. Точно такое же оформление подола мужской верхней рубахи известно в позднесасанидском Иране (Тревер, Луконин, 1987, табл. 33; Яценко, 2016, рис. 158.-16). Наконец, у центрального из шести юношей-беженцев на фото 1895 г. видим, что его безрукавный кафтанчик скроен из двух обычных козьих шкур так, что на подоле от каждой остаются три крупных треугольных выступа¹⁷. Такие выступы уже у иранских народов древности имитировались в ткани, причем обычно на нераспашной верхней рубахе (у сарматов, парфян, индо-скифов, хотано-саков); только у скифской аристократии такие одеяния — распашные (Яценко, 2006, рис. 27.-29, рис. 63.-24, рис. 87.-10, рис. 154.-2, рис. 158.-24). Итак, среди древних иранских этносов с такой особенностью подола были ближайшие к кафирам народы крупных империй — державы индо-скифов, Парфии, а также знаменитые в караванной торговле поздней античности хотано-саки, жившие к северо-востоку.

9. Декор на плечах или в верхней части груди мужских кафтана или халата в виде сложной фигуры, в общих чертах составляющей ромб (с «крючками» по углам) (см., например, фото 1965 г. в Паруне¹⁸) (рис. 2.-3). Для земледельческих народов Европы и Средиземноморья он многими коллегами считался древним символом плодородия (Амброз, 1965). У современных нуристанцев эта сложная фигура (рапок) заменена в быту более крупной и многоцветной фигурой уже в форме простого ромба, обычно вписанного в квадрат. Заметим, что «ромб с крючками», определяемый как «шит», помещался не только на кафтанах или куртках: сходная фигура отмечается на праздничных тканых лентах калашей Читрала, перекрещивающихся на груди, и в архитектурной резьбе по дереву у кафиров разных групп (Sperber, 1990, p. 17). У нуристанцев подобные парные фигуры представлены, например, на полевых фото Уилфреда Тесиджера и Скайлера Джонса¹⁹; см. также на куртке и штанах из долины Парун (Castenfeldt, Søholt, 1985, p. 74). Такая же система размещения двух ромбов известна нам уже на скифском кафтане-*sisirna* на каменном изваянии мужчины у с. Буторы (Яценко, 2006, рис. 28.-16).

¹⁴ Imam Bakhsh. Famille Kafir, miniature illustrant les mémoires du général Court. Company School, Lahore, vers 1835–1840. Ancienne collection du Comte Philippon. Paris, musée Guimet – musée national des Arts asiatiques. Cat. 02-010863 / BG41832. Photo © RMN-Grand Palais (MNAAG, Paris) / Thierry Ollivier. Качественное изображение приобретено С.И. Кавериним. См. также: https://art.rmngp.fr/fr/library/artworks/imam-bakhsh_famille-kafir-miniature-illustrant-les-memoires-du-general-court_gouache_papier.

¹⁵ Chasseurs Kafirs. Album "Suite de douze métiers de l'Inde". Par Imam Bakhsh et un autre peintre, engagés par le général Ventura. Company School, Lahore, vers 1837–1839. Bibliothèque nationale de France, département des Estampes et de la Photographie, Réserve ZF-201-4 (ancien Smith-Lesouëf 10603). Cat. RH 291(12). Качественное изображение приобретено С.И. Кавериним. См. также: http://expositions.bnf.fr/inde/grand/zf201_033.htm.

¹⁶ Стоит отметить, что в фольклоре кафиров неоднократно фигурирует число 18.

¹⁷ URL: <https://wellcomecollection.org/works/hc3e5z64> (дата обращения 22.09.2022).

¹⁸ W. P. Thesiger, 1965. Pitt Rivers Museum. http://photographs.prm.ox.ac.uk/pages/2004_130_4715_1.html.

¹⁹ Wilfred Thesiger, 1965. Pitt Rivers Museum. http://photographs.prm.ox.ac.uk/pages/2004_130_7414_1.html; Jones, S. 2013. 3. 729 – Photograph Collections at the Pitt Rivers Museum // Pitt Rivers Museum. URL: https://photographs.prm.ox.ac.uk/pages/2013_3_729.html (дата обращения: 20.09.2022).

У «более цивилизованных» оседлых иранских групп эту деталь, похоже, не считали нужным передавать²⁰.

10. Орнаменты мужских парадных штанов. На деревянных посмертных почетных изваяниях на фигурах мужчин у кафиров (*mute* у катэ и *dazi* у ком) нас интересуют прежде всего такие популярные вертикальные полосы орнаментов на лампасах, как сеточка, два ряда ромбов и два ряда зигзага (см., например, Edelberg, 1960, fig. 6, 26, 36, 40; см. также статуи восточных катэ в музее Пешавара²¹)²². У древних иранских народов все такие орнаменты штанов периодически встречаются. Возможно, начало популярности именно этих трех орнаментов положила первая «мировая империя» Ахеменидов, где у мужчин они надежно документируются (Яценко, 2006, рис. 2–3).

11. Женская распашная юбка из двух частично сшитых полотнищ, один конец которой нередко подтыкался вверху (рис. 3.-1). Мы располагаем их цветными изображениями. Такая юбка видна еще около 1840 г. на зарисовке семьи кафиров от Имам Бахша в Музее Гиме (см. прим. 11) (рис. 2.-2). Здесь юбка с узорами из рядов ромбов и волнистых полос сопровождается безрукавкой из той же ткани. Другая подобная распашная юбка зафиксирована в долине Вайгала в 1960 г. (Edelberg, Jones, 1979, fig. 14). Основу декора полотнищ составляют широкие полосы белого и коричневого цветов; конец одного полотнища заткнут справа. Как и в первом случае, в комплекте имеется безрукавка из той же ткани. То же видим у другой вайгальской женщины на неопубликованном фото М. Климбурга 1976 г. (рис. 2.-1); здесь цветовая гамма красно-синяя. Подобная одежда сохранилась у юной скифянки в кургане Вишневая Могила (Прилипка, Болтрик, 1991, рис. 5, рис. 7; Яценко, 2006, рис. 38–39). Она также сделана из полосатой ткани. Как наследие скифского времени в Восточной Европе можно рассматривать аналогичные предметы женской одежды у русских (понёва: Жигулина, 2018, с. 58, 150) и украинцев (запaska: Николаева, 1996, с. 72–73).

12. Ленты, перекрещивающиеся на туловище. У кафиров и калашей они были мужским атрибутом (см., например, Edelberg, 1960, fig. 41–43). Однако у кафиров известно исключение: на статуе женщины на троне, получившей за заслуги особый статус, мы тоже видим такие ленты (Newton, 1963, p. 46) (рис. 3.-1). У калашей эти ленты (*sash*) получал мальчик после обряда надевания первых штанов (около 6 лет); вдоль них крепились различные обереги — солярные розетки, бубенцы и т.п. (Sperber, 1990, p. 12–13). Такие ленты еще недавно надевались у женщин равнинных таджиков; они носили в Средней Азии арабское название *haikal*. Эти ленты у жителей Памира вполне внятно ассоциировались с антропоморфной фигурой божества-защитника (Сухарева, 1982, с. 122–123). Сходную ленту носит, например, одно из божеств юэчжей-кушан в северном Афганистане, чье изображение украшало платье юной княгини (Тилля-тепе, могила 2) (Sarianidi, 1985, fig. 80). Такие ленты известны и на женском платье индо-скифов (Яценко, 2006, рис. 138.-35). Итак, наиболее яркие примеры ношения таких скрещен-

²⁰ Позже у тюркоязычных кочевых кыпчаков / куманов / половцев на каменных статуях мы также подчас видим те же два ромба на плечах.

²¹ URL: <https://www.pakistanembassy.gr/article.php?id=288> (дата обращения: 22.09.2022).

²² Что касается близких, но меньших по размеру деревянных фигурок *kundurik*, *gundurik*, *gundik* у калашей, то на них такой узор штанов обычно не выделялся. См. (Klimburg, 2008; Sushma, 2014).

ных лент и в древности, и в недавнее время локализируются в районах, непосредственно соседствовавших с территорией Гиндукуша. При этом не будем забывать и о широком их использовании в других культурах Старого Света (например, у древних эллинов).

13. Ритуальный передник (фартук). Он, видимо, надевался мужчинами в особых случаях. Так, кафирский жрец в 1895 г. на переговорах с англичанами единственный (помимо роскошного пояса с длинными свисающими концами и особого головного убора) имеет, вероятно, длинный и широкий белый передник, выделяющийся на фоне его более темной одежды (Edelberg, Jones, 1979, fig. 25). Ритуальный передник в древности известен и у мужчин юэчжей-кушан на территории, прилегающей к Гиндукушу. Здесь у донатора в пещерном монастыре Квил-и Надир передник уже и чуть не доходит до колен (Haskin, Carl, Maumé, 1959, fig. 264). Из-за длительного пребывания предков юэчжей на границах Китая он вполне может быть связан с тогдашним китайским мужским передником «би», предназначенным для жертвоприношений (Яценко, 2006, с. 181–182). Передник, похожий на кушанский, известен у хорезмийцев предарабского времени (Яценко, 2006, рис. 202.-8). Ср. визуально близкий, свисающий верх штанов калашей Читрала (Schomberg, 1938, p. 80f).

14. Высокий конический головной убор с вертикальными «ребрами жесткости» (прикрывающими конструктивные швы) и околышем. Этот тип убора имеет несколько вариаций. На одном из фото группы мужчин 1885 г. их лидер с ритуальным топориком носит высокий и заостренный сверху убор с четырьмя «ребрами жесткости» и широким околышем (Lockhart, Woodthorpe, 1889, p. 293f, pl. 78)²³ (рис. 3.-2); близкий отмечен и у одного из «ясновидящих» (Robertson, 1896, p. 245). Сходный головной убор (его поверхность при этом покрыта рядами бляшек) изображен и у древних индо-скифов (Яценко, 2006, рис. 137.-8). Вариант его (с большим количеством вертикальных полос, видимо, символизирующих «ребра») представлен на одной из деревянных статуй калашей (Newton, 1963, p. 45; Schomberg, 1938, p. 52f), которые переняли у кафиров (катэ и ком) статусную культуру и ритуализированную, строго регламентированную традицию установки деревянных фигур. Древние близкие аналогии мужским уборам такого типа на изображениях известны у индо-скифов, кушан (и их наследников — тохаристанцев) и у согдийцев (начиная с I в. н.э.), т.е. у тех этносов, которые были соседями населения Гиндукуша (Яценко, 2006, рис. 121.-1, 7, рис. 138.-8, рис. 152.-2, рис. 180.-1, рис. 189.-7).

15. Мужская шапочка с околышем-валиком типа гиндукушской *rakol* образца XIX в. Первоначально имела форму полусферы без полей, но в XX–XXI вв. подверглась модификации. Вокруг происхождения этого головного убора велось немало споров, однако сегодня выяснена его древность в регионе (см.: Каверин, 2022). Вполне ясен и круг древних аналогий для облика убора в иранском мире. Это образцы индо-скифов и кушан (Яценко, 2006, рис. 121.-14, 16, рис. 137.-4, 9) — т.е. тех же близких к Гиндукушу влиятельных народов. В одной из индийских буддийских пещер Аджанты V — начала VII в. на стенной росписи видим похожий белый головной убор у иностранца (тохаристанца?) (Herringham, 1998, pl. XXVIII).

²³ Сканы некоторых фото (со стеклянных негативов или на бумаге) этой серии 1885 г. были приобретены С.И. Кавериным в Royal Geographical Society и British Library.

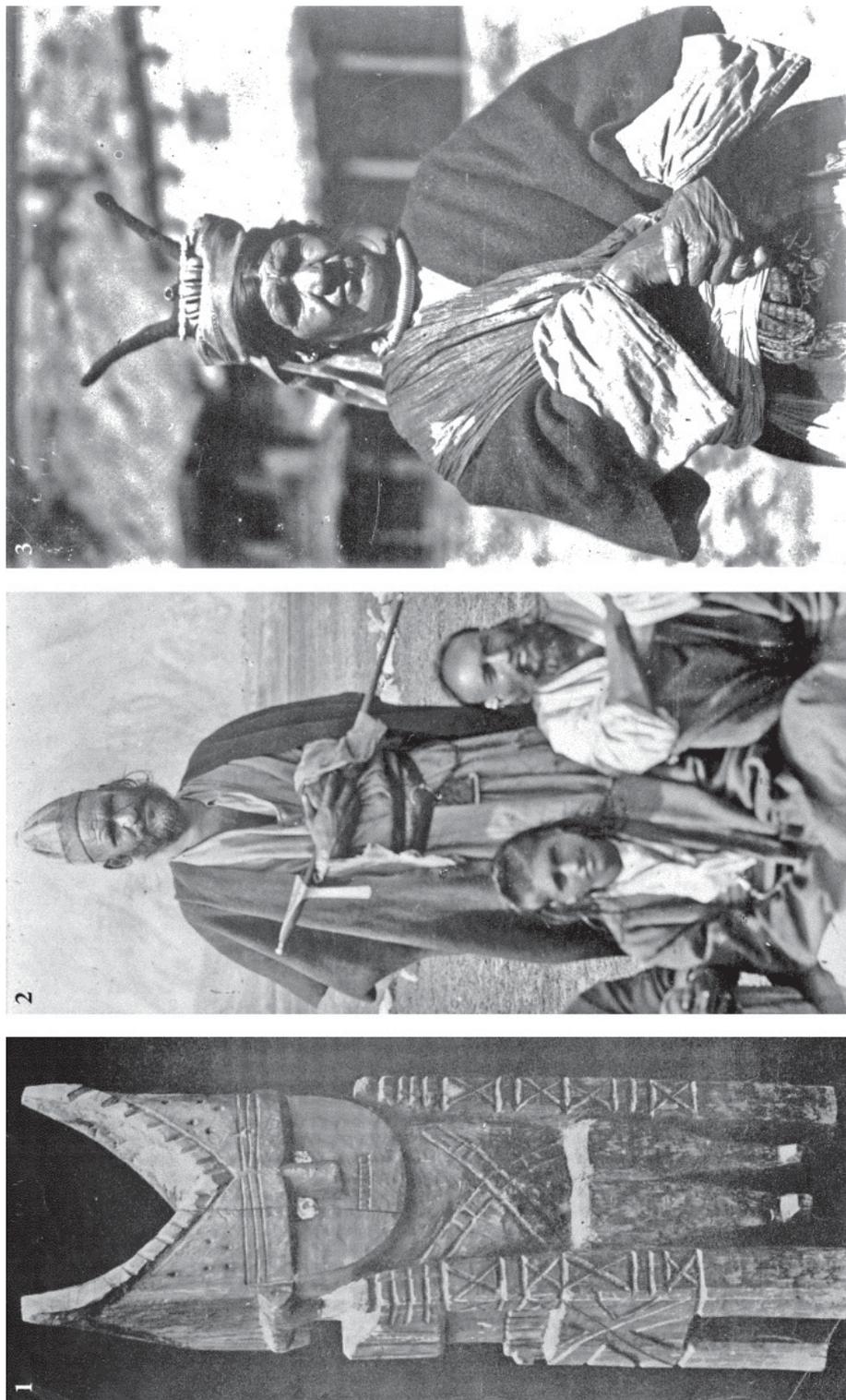

Рис. 3. Головные уборы и скрещенные ленты: 1 — Newton, 1963; 2 — Lockhart, Woodthorpe, 1889; 3 — Jones, 1983

Fig. 3. The headdresses and crossed ribbons: 1 — Newton, 1963; 2 — Lockhart, Woodthorpe, 1889; 3 — Jones, 1983

16. Женские шапочки, включающие имитацию рогов горного козла (см., например, Jones, 1983, pl. XIX). У язычников Гиндукуша горный козел — чистое и святое животное, обитающее у облаков, рядом с богами и духами, и любимое ими. Имитацию его рогов не стоит связывать напрямую с древнейшим тотемизмом. У северных кафиров (катэ, ком) обычно воспроизводились в органических материалах два стоящих почти вертикально рога козла спереди, а еще два свисали сзади (рис. 3.-3). Этот убор символически изображался спереди и на посмертных деревянных статуях «заслуженных» женщин обеих этнических групп (см., например, Edelberg, Jones, 1979, p. 31; Jones, 1983, pl. XXI), и на фигурах меньшего размера (рис. 3.-1). Судя по серии фото, это был довольно стандартный по оформлению убор с четырьмя рогами и рядом металлических деталей: с подвеской-спиралью и медальоном в лобной части, с колокольчиками — в затылочной (см. фото как отдельного экспоната: Jones, 1983, pl. XXI; Castenfeldt, Søholt, 1985, fig. 11). Для некоторых обрядов (например, во время женской пляски в честь бога войны Гиша) все присутствовавшие, видимо, надевали именно рогатые уборы (Robertson, 1896, p. 623); использовались они и в других важных случаях (Robertson, 1896, p. 527). У древних иранских или иранизированных «пазырыкцев» гор северного Алтая мы тоже встречаем плакированные золотом рога горного козла, но в иных формах. Так, на наиболее эффектных зооморфных головных уборах типа 1 у обоих полов рога козла придают коню или оленю (образуя волшебное небесное существо «буура», помощью которого еще недавно пользовались местные шаманы). А в соединенной с головным убором сложной прическе футляры для кос оформлялись в виде рогов козла (Яценко, 2006, с. 91–92, рис. 57).

Однако в обоих случаях речь идет о народах высокогорья, где горный козел был распространенным животным. В равнинных зонах его, естественно, заменял *баран* (в текстах нередко золотой), бывший в иранской традиции одним из основных воплощений даваемой людям небесной благодати (*farn*). Так, в позднесасанидском Иране на серебряном блюде с изображением уединившейся царствующей пары (Галерея Вальтерс в Балтиморе) [золотой] головной убор шахини представляет собой именно массивные, скульптурные рога барана, увенчанные плодом граната (Ghirshman, 1962, fig. 259). Имитация рогов барана в прическе и фигурок этого животного в лобной части головного убора весьма обычна, судя по этнографическим материалам равнинных таджиков и их соседей. Речь шла о символике плодовитости барана-производителя. Там «рога» делались с помощью двух свитых жгутов из ткани (Писарчик, 1979, с. 120–122).

17. Один из типов мужской прически. Спереди и, реже, с боков голова выбривалась. Сзади (на темени) сохраненную длинную и тонкую прядь могли либо оставить свободно свисающей или подчас заплетать в косичку. Такая прическа хорошо видна на одном рисунке, сделанном до исламизации (Bonvalot, 1889, p. 445) (рис. 4.-1); см. также сходную на акварелях Имам Бахша (прим. 11, 12). Древней аналогией ей является прическа на мужской мумии из кургана 5 некрополя Пазырык (Яценко, 2006, рис. 46.-15). Перед нами, видимо, один из вариантов евразийских «воинских» причесок: например, «оселедец» запорожского казачества, чуб абхазов (см. рисунок В. Верещагина «Абхазец», 1865 г.).

Рис. 4. Декор мужских штанов, пояса и прическа: 1 — Bonvalot, 1889; 2 — Edelberg, Jones, 1979; 3 — Edelberg, 1960

Fig. 4. The male trousers décor, belts and hairstyle: 1 — Bonvalot, 1889; 2 — Edelberg, Jones, 1979; 3 — Edelberg, 1960

18. Мужской кожаный пояс, на ремне которого передан металлическими заклепками ряд квадратиков, разделенных внутри диагоналями на четыре треугольника (Edelberg, Jones, 1979, p. 107f, pl. 101) (рис. 4.-2). Аналогичный металлический декор мужского пояса, в т.ч. переданный с помощью серии прямоугольных металлических пластинок-аппликаций, неоднократно встречен у древних кушан (Яценко, 2006, рис. 121.-75, 78).

19. Мужской тканый пояс с крупным и сложным узлом и свисающим концом. Он был, видимо, достаточно обычен в парадном костюме и отражен на многочисленных фото (см., например, Lockhart, Woodthorpe, 1889, p. 319f, pl. 89). В древнем иранском мире такой пояс мог быть, вероятно, нередко менее престижным, чем кожаный с металлическими накладками, и мы встречаем его на изображениях, пожалуй, только у индо-скифов в Шахри-Бахлоле (Яценко, 2006, рис. 137.-39).

20. Женские гетры, сделанные из пестрой (у кафиров — полосатой, в т.ч. с мелкими ромбиками или волнообразными узорами внутри полос) ткани. В Читрале они отмечены у восточных катэ ранее 1922 г. (Countries of the World, 1924, pl. 21). То же касается изображения около 1840 г. в Музее Гиме (прим. 11). Они характерны в основном для жительниц горных районов с их холодной и ветреной погодой. Однако нечто похожее видим в согдийской эпической сцене выноса из боя убитой женщины-воительницы около начала VIII в. в Пенджикенте (помещение XXXI-1) (см. фото С. А. Яценко: Абдухолиқов и др., 2021, с. 283; рис. 7.-2). Здесь подразумеваются полевые условия, а женщина изображена босой. Кафиры тоже обычно ходили босыми.

21. Гривны и пекторали. Эти уплощенные и узкие шейные украшения из серебра изредка (реже, чем однорядные гривны) документируются у кафиров обоих полов. (У соавторов имеются разногласия насчет отнесения витой гривны с 2-3 соединенными витками к пекторалиям.) У кафиров ремесленники обладали низким социальным статусом; более опытных, включая ювелиров (мастеров по серебру), именовали *jast bari* — «старший раб» (Robertson, 1896, p. 100). Иногда посредниками в изготовлении серебряных престижных аксессуаров могли выступать отселившиеся кафиры, перешедшие в ислам (Robertson, 1896, p. 540). Интересный пример — гривна/пектораль сестры (?) последнего жреца катэ (Jones, 1983, pl. XX). К калашам гривны (*gringa*, этим термином обозначали и пекторали) попадали от соседей-кафиров (Sperber, 1990, p. 43), но произведены те обычно были в долине Сват. Однако дарды верховьев Свата (кохистанцы — торвали, гаври) получали пекторали в XX в., прежде всего, от южных соседей (в среднем течении реки) — пуштунского племени юсуфзаи. Трудно сказать, что здесь было первично — запросы дардов и кафиров или пограничных пуштунов; но в любом случае эти достаточно простые по декору пекторали содержат в своем облике как минимум пять элементов, характерных именно для пекторалей персидской великой империи Ахеменидов. Показательно и отношение ряда групп центральных и восточных дардов Гиндукуша к пекторалиям как к неким сакрально значимым предметам: изображения их на надгробиях, низких креслах, сундуках для ценных вещей, в архитектурной резьбе и на поверхности утвари (Яценко, 2019, с. 48; Емельянов, Каверин, 2019, с. 71). Что касается наличия только геометрических узоров (в отличие от многих пекторалей иранских народов древности), то этот импульс отчасти мог исходить от верхушки индо-скифов (ср. такого рода пектораль на индоскифском саграпе Кастане в Матхуре: Rosenfield, 1967, pl. 5; Яценко, 2019, рис. 16.-1).

22. Наколенники на мужских штанах. Эти богато декорированные накладные детали крайне редко изображались, и не на статуях людей, а только на деревянных *божках* из Паруна (рис. 4.-3), и это показательно (Edelberg, 1960, fig. 3–4, 11, 14). Помимо приведенного на фото орнамента, использовались четырехлистник и крест с двойной обводкой. У древних сарматов наколенники известны у аристократии обоих полов, но в искусстве изображались тоже только у мужчин и в редчайших случаях (Яценко, 2006, с. 151). Учитывая центральноазиатское происхождение разных групп сарматов, немало важно их осмысление в античном Китае. Там они носились только наиболее знатными мужчинами — правителями разных рангов, что отмечалось цветом наколенников (Шицзин, 1987, с. 325, прим. 2; с. 328, прим. 3).

Результаты

Мы получили немало наблюдений о вероятных направлениях костюмных связей предков индоиранцев-кафиров и в небольшой степени — дардов-калашей. Разумеется, при изучении «археологического» костюма нас ожидали большие лакуны. Однако мы взяли для анализа материал именно по тем древним народам, у которых обнаружено много антропоморфных изображений (реже — большие серии хорошо сохранившихся одежд, как у «пазырыкцев»). У них сама редкость того или иного элемента костюма может пониматься многообразно: как сравнительно редкое их использование знатью и их бытование в основном у простолюдинов, как деталь, «неприличная» или незначительная для публичного увековечивания и как, напротив, иногда особо значимый сакральный атрибут. Однако эти и иные многочисленные условности древних изображений, выполненных в разных художественных традициях, в данном случае не кажутся принципиальным препятствием для корректной интерпретации наших наблюдений. Важен будет подсчет тесных аналогий, принадлежавших тому или иному конкретному древнему этносу, их количество, а также удаленность конкретного древнего народа (или уровень его политического могущества и культурного влияния).

Обсуждение

Наиболее точные соответствия специфическим деталям костюма кафиров мы находим *прежде всего у индо-скифов* (10 элементов, №2–3, 7–8, 12–15, 19, 21). Причину обилия именно таких сходжений понять нетрудно. Индо-скифы (часть среднеазиатских *saka*) под давлением наступавших ранее с севера юэчжей и усуней около 85 г. до н.э. во главе с царем Мауэсом продвинулись вниз по р. Инд в Пенджаб. Их держава стала непосредственным соседом (а возможно, и формальным «господином») племен Восточного Пригиндукушья. И хотя индо-скифов вскоре стали преследовать неприятности от более крупных соседей (вторжение парфян Гондофара около 20 г. до н.э. и завоевание региона кушанами к концу I в. н.э.), местные правители из индо-скифов сохранялись в Северной Индии еще при императоре Хувишке. Интересно, что многие специфические аналогии костюму самих индо-скифов известны только... у европейских скифов-сколотов V–IV вв. до н.э. Это не слишком удивляет, учитывая родину обеих группировок на территории Центральной Азии (Яценко, 2006, с. 193). *Кушаны* I–III вв. н.э. (6 элементов, №1–2, 12, 14–15, 18), которые сменили индо-скифов, находятся на втором месте по количеству специфических аналогий. Это тоже не удивительно, учитывая двухвековой контроль кушанских властей над обширными территориями Афганистана

и Индостана, явное наличие кушанских поселенцев в ряде завоеванных земель, а также то, что в афганско-среднеазиатском регионе именно кушаны создали первую большую «варварскую» империю (отличную в этом от державы Селевкидов и Греко-Бактрии), имевшую политические связи с Римом и т.п. Кушаны активно участвовали в мировой торговле и смогли обеспечить части своих подданных весьма высокий уровень жизни.

На третьем месте идут *согдийцы*, начиная со времен Кушанской империи и Кангюя (3 элемента, №6, 14, 20). Речь идет и о вхождении части их в Кушанскую империю, в Тюркские каганаты, Арабский халифат и т.п., и об их исключительной торговой и колонизационной активности на древних караванных путях. Нетрудно понять и наличие специфического сходства с костюмом *персов времен Ахеменидов* — первой «мировой империи», дотянувшейся к тому же до гор Гиндукуша (3 элемента, №2, 10, 21). Вместе с тем нам интересны два элемента сходства с единственным в списке «горным» народом — «пазырыкцами». И сам характер этих сходжений, связанный с ритуальными головными уборами и прической (№16–17), заслуживает внимания.

Можно заметить также, что более всего «вклад» древних иранских народов, проживавших ближе к Гиндукушу, проявился в крупных аксессуарах костюма, а также в головных уборах и прическе. В оформлении набедренной одежды он не прослеживается (здесь отмечены дальние этносы — кочевые или наполовину кочевые, такие, как персы при Ахеменидах), а в наплечной одежде дает лишь половину приведенных аналогий.

Заключение

Наш обзор был вынужденно ограниченным по объему и иллюстрированию многих важных моментов, а надежно документированный и яркий костюмный материал для сопоставления (как у кафиров и калашей, так и у *древних иранцев*) был в известном смысле не менее ограничен. Однако из него становится ясным, что *наибольшее влияние на костюм предков кафиров оказали два знаменитых в древности ираноязычных народа, оказавшиеся у подножья Гиндукуша и частично вошедшие в его ущелья, — индо-скифы и затем кушаны*. Не исключено также культурное влияние и ограниченное участие этих этносов в этногенезе будущих кафиров — язычников страны духов-пери, «Перистана». Немалую роль, видимо, играла и своеобразная «мода» на некоторые детали костюма соседних имперских образований. Как уже отмечалось, у кафиров частично сохранились и некоторые предполагаемые общие индоиранские элементы костюма еще эпохи бронзы: халаты типа *kandys* (1), редкое ныне запахивание кафтанов и халатов налево (4), штаны с лампасами (и вполне стандартным набором их декора, популярным еще у персов времен Ахеменидов) (10), а у их соседей — дардов и пуштунов — прослеживается оформление ряда деталей гривен и пекторалей из драгоценных металлов, свойственное еще Ахеменидской державе (21). В этой статье впервые предложены новые методики на стыке культурной антропологии, археологии и истории костюма (костюмологии), и их результативность кажется нам вполне наглядной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Абдухоликов Ф. Ф., Ртвеладзе Э. В., Бердимуродов А., Богомолов Г., Гюль Э., Ильясов Дж., Компарети М., Кулакова Л., Лурье П., Маршак Б., Торгоев А., Цветкова Т., Яценко С., Вужун С., Я. Юхань. Согдиана — сердце Шелкового пути. Книга-альбом на узбек-

ском, английском и русском языках. Ташкент : Press Info Nashiriyot uyi, Darakchi Inform Service, 2021. 544 с. (Культурное наследие Узбекистана. Т. XXXV).

Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СА. 1965. №3. С. 14–27.

Доде З.В. Средневековый женский костюм народов Северного Кавказа. М. : Восточная литература, 2001. 136 с.

Древности Таджикистана : каталог выставки. Душанбе : Дониш, 1985. 344 с.

Емельянов А. Ю., Каверин С. И. Образ гривны в традиционном искусстве Восточного Пригиндукушья (Кохистан, Кафиристан) // Дизайн. Материалы. Технология. Вып. 2. СПб. : СПбГУ ПТД, 2019. С. 68–71.

Жигулина В. М. Русская народная одежда. Понёва и юбка. М. : Бослен, 2018. 256 с.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М. : Наука, 1986. 524 с.

Каверин С. И. Паколь: происхождение и функция головного убора горцев Памиро-Гиндукушского региона : выпускная квалификационная работа. М. : РГГУ, 2021. 138 с. (Рукопись).

Майтдинова Г. История таджикского костюма. Т. II. Средневековый и традиционный костюм. Душанбе : Даръё, 2004. 251 с.

Николаева Т. История украинського костюма. Київ : Либідь, 1996. 176 с.

Писарчик А. К. Материалы к истории одежды таджиков Нурата: Старинные женские платья и головные уборы // Костюм народов Средней Азии. М. : Наука, 1979. С. 113–122.

Прилипко Я. П., Болтрик Ю. В. Опыт реконструкции скифского костюма на материалах погребения скифянки из Вишневой Могилы // Курганы Степной Скифии. Киев : Наукова думка, 1991. С. 18–33.

Сухарева О. А. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М. : Наука, 1979. С. 77–102.

Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX — начало XX в.). М. : Наука, 1982. 142 с.

Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М. : Искусство, 1987. 240 с.

Шицзин. Книга песен и гимнов. М. : Художественная литература, 1987. 352 с.

Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М. : Восточная литература, 2006. 664 с.

Яценко С. А. Пекторали иранских и иранизированных народов древности // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2019. №11. С. 33–72.

Afghanistan and its late Amir: with some account of Baluchistan. London; Madras : Christian Literature Society for India, 1902. 52 p.

Bittner S. Tracht und Bewaffnung des persischen Heeres zur Zeit der Achaimeniden. München : Bodem, 1985. 450 s.

Bonvalot G. Du Caucase aux Indes à travers le Pamir. Paris : Plon Nourrit, 1889. 458 p.

Castenfeldt S., Søholt H. Nuristan: Beklædning, bånd og bæltter. Århus Amtscentral for Undervisningsmidler. Højbjerg : Arhus, 1985. 77 p.

Countries of the World. No 1 / Ed. by J.A. Hammerton. London : Amalgamed Press, 1924. 724 p.

Edelberg L. Statues de bois rapportées du Kafiristan à Kabul après la conquête de cette province par l'émir Abdul Rahman en 1895–96 // *Arts asiatiques*. 1960. T. VII. Fasc. 4. P. 243–286.

Edelberg L., Jones S. *Nuristan*. Graz : Akademische Druck, 1979. 154 p.

Ghirshman R. *Iran. Parthes et Sassanides*. Paris : Gallimard, 1962. 403 p.

Guha B. C. Musée du quai Branly — Jacques Chirac, 1929 [Online source]. <https://www.quaibrantly.fr/en/explore-collections/base/Work/action/show/notice/924918-groupe-dhommes-kafir>.

Hackin J., Carl J., Maumé J. *Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933–1940)*. Paris : Presses Universitaires De France, 1959 (MDEFA. T. VIII).

Herringham C. *Ajanta frescoes*. New Dehli : Aryan Book International, 1998. 120 p.

Jones S. *Dolke, pokaler og magiske søer i Nuristan* // *Kuml*. 1973. No 23. P. 231–264.

Jones S. *In Search of the Horned Head-Dress* // *Ethnologie und Geschichte: Festschrift für Karl Jettmar* / Hrsg. P. Snoy. Wiesbaden : F. Steiner, 1983. P. 343–350.

Klimburg M. *Status Culture of the Kalasha Kafirs* // *Journal of Asian Civilizations*. 2008. Vol. XXXI. Ns. 1–2. P. 168–194.

Lockhart W.S.A., Woodthorpe R. G. *Gilgit Mission 1885–86*. London : Eyre & Spottiswoode, 1889. 448 p.

Maggi W.R. *Our Women are Free. Gender and Ethnicity in the Hindukush*. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2004. 266 p.

Newton D. *Funerary Figures of the Kafirs* // *The Magazine of the American Museum of Natural History*. 1963. Vol. LXXII. P. 41–47.

Robertson G. S. *The Káfrs of the Hindu-Kush*. London : Lawrence and Bullen, 1896. 658 p.

Rosenfield J.M. *The Dynastic Arts of the Kushans*. Berkeley; Los Angeles : Univ. of California Press, 1967. 377 p.

Sarianidi V. *Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan*. Leningrad : Aurora, 1985. 259 p.

Schomberg S. C. F. *Kafirs and Glaciers. Travels in Chitral*. London : Martin Hopkinson Ltd., 1938. 287 p.

Sperber B.G. *Kalash. Dress. Body decoration. Textile techniques*. Chitral : IInd International Hindukush Cultural Conference, 1990. 62 p.

Stein M. A. *Serindia: detailed report of archaeological explorations in Central Asia and Westernmost China*. Vol. 1. Oxford : Clarendon Press, 1921. 438 p.

Sushma J. *Making myth a reality* // *British Museum Magazine*, Spring/Summer 2014. P. 48–51.

Vogelsang W. *The Pakol, a distinctive but apparently not so very old headgear from the Indo-Iranian borderlands* // *Khil'a*. 2006. No 2. P. 149–156.

Yatsenko S. A. *The Costume of the Iranian Peoples of Classic Antiquity and the Primordial Homeland of Indo-Iranians* // *Departure from the Homeland: Indo-Europeans and Archaeology* / Ed. by M. Vander Linden, K. Jones-Bley. Washington : Institute for the Study of Man, 2009. P. 165–180 (*Journal of Indo-European Studies*. Monograph Series. No. 56).

REFERENCES

Abdulholikov F. F., Rtveladze E. V., Berdimurodov A., Bogomolov G., Gul E., Ilyasov J., Compareti M., Kulakova L., Lurie P., Marshak B., Torgoev A., Tsvetkova T., Yatsenko S., Wu-jun S., Yuhan Ya. Sogdia — The Heart of the Silk Road. Tashkent : Press Info Nashiriyot uyi, Darakchi Inform Service, 2021. 544 p. (The Cultural Legacy of Uzbekistan. T. XXXV) (*In Uzbek., English, Russ.*)

Ambroz A. K. The Early Agricultural Cultic Symbol (“Rhomb with a Hooks”). *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1965;4:14–27. (*In Russ.*)

Dode Z. V. The Medieval Female Costume of the Peoples of the Northern Caucasus. Moscow : Vostochnaya literatura, 2001. 136 p. (*In Russ.*)

The Antiquities of Tajikistan. Exhibition Catalogue. Dushanbe : Donish, 1985. 344 p. (*In Russ.*)

Emelyanov A. Yu., Kaverin S. I. Image of Torque in Traditional Art of the Eastern Hindukush Area (Kokhistan, Kafirstan). In: Design. Materials. Technologies. No 2. St. Petersburg : SPbGU PTD, 2019. Pp. 68–71. (*In Russ.*)

Zhigulina V. M. The Russian Folk Clothing. Ponyova and Yubka. Moscow : Boslen, 2018. 256 p. (*In Russ.*)

Jettmar K. Religions of Hundukush. Moscow : Nauka, 1986. 524 p. (*In Russ.*)

Kaverin S. I. Pakol: The Origin and Function of the Headdress of the Highlanders of Pamir-Hindukush Region. Master's thesis. Moscow : RGGU, 2021. 138 p. (*In Russ.*)

Maitdinova G. History of Tajik Costume. Vol. II. The Medieval and Traditional Costume. Dushanbe : Dar'yo, 2004. 251 p. (*In Russ.*)

Nikolaeva T. History of the Ukrainian Costume. Kyiv : Lybid', 1996. 176 p. (*In Ukr.*)

Pisarchik A. K. The Materials on the Clothes History of Nurata Tajiks: Old Female Dresses and Headdresses. In: Costume of the Peoples of Central Asia. Moscow : Nauka, 1979. Pp. 113–122. (*In Russ.*)

Prilipko Ya. P., Boltrik Yu. V. Reconstruction Experience of Scythian Costume Based on the Grave of Scythian Girl from Vishnyovaya Mogila. In: Barrows of the Steppe Scythia. Kiev : Naukova dumka, 1991. Pp. 18–33. (*In Russ.*)

Sukhareva O. A. Analysis Experience of the Cut of Tradition Clothes of “Tunic” Type in the Aspects of Its History of Evolution. In: Costume of the Central Asian Peoples. Moscow : Nauka, 1979. Pp. 77–102. (*In Russ.*)

Sukhareva O. A. History of the Central Asian Costume. Samarkand (the 2nd half of 19th — early 20th c.). Moscow : Nauka, 1982. 142 p. (*In Russ.*)

Treuer K. V., Lukonin V. G. The Sasanian Silver. The State Hermitage Collections. Moscow : Iskusstvo, 1987. 240 p. (*In Russ.*)

Shi Jing. The Book of Songs and Hymns. Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1987. 352 p. (*In Russ.*)

Yatsenko S. A. Costume of the Ancient Eurasia (the Iranian-Speaking Peoples). Moscow : Vostochnaya literatura, 2006. 664 p. (*In Russ.*)

Yatsenko S. A. Pectorals of the Iranian and Iranized People of Antiquity. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya = Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2019;11:33–72 (*In Russ.*)

Afghanistan and its late Amir: with Some Account of Baluchistan. London, Madras : Christian Literature Society for India, 1902. 52 p.

Bittner S. Tracht und Bewaffungung des persischen Heeres zur Zeit der Achaimeniden. München : Bodem, 1985. 450 s.

Bonvalot G. Du Caucase aux Indes à travers le Pamir. Paris : Plon Nourrit, 1889. 458 p.

Castenfeldt S., Søholt H. Nuristan: Beklædning, bånd og bæltter. Århus Amtscentral for Undervisningsmidler. Højbjerg : Arhus, 1985. 77 p.

Countries of the World. No 1 / Ed. by J.A. Hammerton. London : Amalgamed Press, 1924. 724 p.

Edelberg L. Statues de bois rapportées du Kafiristan à Kabul après la conquête de cette province par l'émir Abdul Rahman en 1895–96. *Arts asiatiques*. 1960;VII(4):243–286.

Edelberg L, Jones S. Nuristan. Graz : Academische Druck, 1979. 154 p.

Ghirshman R. Iran. Parthes et Sassanides. Paris : Gallimard, 1962. 403 p.

Guha B. C. Musée du quai Branly — Jacques Chirac, 1929 [Online source]. <https://www.quaibrantly.fr/en/explore-collections/base/Work/action/show/notice/924918-groupe-dhommes-kafir>.

Hackin J., Carl J., Maumé J. Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933–1940). Paris : Presses Universitaires De France, 1959 (M DFA. T. VIII).

Herringham C. Ajanta Frescoes. New Dehli : Aryan Book International, 1998. 120 p.

Jones S. Dolke, pokaler og magiske søer i Nuristan. *Kuml*. 1973;23:231–264.

Jones S. In Search of the Horned Head-Dress. In: *Ethnologie und Geschichte: Festschrift für Karl Jettmar / Hrsg. P. Snoy*. Wiesbaden : F. Steiner, 1983. Pp. 343–350.

Klimburg M. Status Culture of the Kalasha Kafirs. *Journal of Asian Civilizations*. 2008; XXXI(1–2):168–194.

Lockhart W.S. A., Woodthorpe R.G. Gilgit Mission 1885–86. London : Eyre & Spottiswoode, 1889. 448 p.

Maggi W.R. Our Women are Free. Gender and Ethnicity in the Hindukush. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2004. 266 p.

Newton D. Funerary Figures of the Kafirs. *The Magazine of the American Museum of Natural History*. 1963;LXXII:41–47.

Robertson G. S. The Káfirs of the Hindu-Kush. London : Lawrence and Bullen, 1896. 658 p.

Rosenfield J.M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley; Los Angeles : Univ. of California Press, 1967. 377 p.

Sarianidi V. Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-Tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad : Aurora, 1985. 259 p.

Schomberg S. C. F. Kafirs and Glaciers. Travels in Chitral. London : Martin Hopkinson Ltd., 1938. 287 p.

Sperber B. G. Kalash. Dress. Body Decoration. Textile Techniques. Chitral : IInd International Hindukush Cultural Conference, 1990. 62 p.

Stein M. A. Serindia: Detailed Report of Archaeological Explorations in Central Asia and Westernmost China. Vol. 1. Oxford : Clarendon Press, 1921. 438 p.

Sushma J. Making Myth a Reality. *British Museum Magazine*. Spring/Summer. 2014:48–51.

Vogelsang W. The Pakol, a Distinctive but Apparently Not So Very Old Headgear from the Indo-Iranian Borderlands. *Khil'a*. 2006:2:149–156.

Yatsenko S. A. The Costume of the Iranian Peoples of Classic Antiquity and the Primordial Homeland of Indo-Iranians. In: *Departure from the Homeland: Indo-Europeans and Archaeology* / Ed. by M. Vander Linden, K. Jones-Bley. Washington : Institute for the Study of Man, 2009. Pp. 165–180 (Journal of Indo-European Studies. Monograph Series. No. 56).

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Яценко С. А.: формирование структуры статьи, археологические аналогии позднему костюму, этнографические аналогии по иранскому миру, подбор иллюстраций в печать, научное редактирование текста.

Yatsenko S. A.: formation of the structure of the article, archaeological analogies to the late costume, ethnographic analogies in the Iranian World, selection of illustrations for printing, scientific editing of the text, preparing of its part.

Каверин С. И.: использование этнографических материалов по Гиндукушу, анализ серий иллюстраций, научное редактирование текста, подготовка его части.

Kaverin S. I.: use of ethnographic materials on the Hindukush, the analysis of series of illustrations, scientific editing of the text, preparing of its part.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.

Sergey Aleksandrovich Yatsenko, Doctor of History, Professor, History and Theory of Culture Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Каверин Святослав Игоревич, научный сотрудник этнографического отдела Центра палеоэтнологических исследований, Москва, Россия.

Sviatoslav Igorevich Kaverin, Master of Anthropology, Research Scientist, Ethnography Department, Paleoethnology Research Center, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 28.09.2022;

одобрена после рецензирования 27.10.2022;

принята к публикации 02.11.2022.

The article was submitted 28.09.2022;

approved after reviewing 27.10.2022;

accepted for publication 02.11.2022.